

Сергей Ростовцев

**Наркотик для бактерий,
или
Переселение душ**

18+

Сергей Ростовцев

**Наркотик для бактерий,
или Переселение душ**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Ростовцев С. Ю.

Наркотик для бактерий, или Переселение душ /
С. Ю. Ростовцев — «ЛитРес: Самиздат», 2021

ISBN 978-5-532-98616-9

Эта книга научной фантастики, старается разобраться в том, чем являются бактерии для нашего организма. О том, не является ли наше тело, наша сущность – колонией бактерий и клеток. Вы знаете, как Вы мыслите, и где находится ваша душа? А знаете, что бактерий в теле человека в десятки раз больше, чем клеток самого тела? Какие основания у религии, описавшей переселение душ и вере в бессмертие души? Может это не с потолка? Может ли это существовать в рамках материалистических научных взглядов? Как знание этого может повлиять на жизнь героя этой книги и на всё человечество? Читайте.

ISBN 978-5-532-98616-9

© Ростовцев С. Ю., 2021
© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Уведомление автора:	5
Пролог	6
Лаборатория	7
Умный сын	9
Прерванный сон	11
Игорёк	13
Кто я?	17
Похороны	21
Объяснение	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Ростовцев Наркотик для бактерий, или Переселение душ

Уведомление автора:

Официально заявляю, что данная книга является фантастикой и исключительно плодом авторской фантазии.

Имена;

Личности;

Действия героев;

Названия;

Даты;

Маршруты;

Описания природы;

Местности;

Пандемия;

Климат;

И всё прочее – вымышлено.

Пользуясь авторским правом, я запрещаю прокуратуре рассматривать любые из описанных событий, как доказательства, а следствию использовать их для нахождения улик любых противоправных действий.

Пролог

Зам. ректора института бактериологии, Вадим Николаевич, встал из-за стола и подошёл к окну. За окном его кабинета был сквер.

– Спасибо что сразу зашли. – сказал он мне. – Светлана Юрьевна поручила мне с вами поговорить. Наш институт продаёт ту половину здания, в котором находится ваша лаборатория.

– И что с моей лабораторией?

– У вас молодая и красивая дочь. С голоду не умрёте. – сказал Вадим Николаевич, поворачиваясь ко мне.

Мне очень захотелось набить морду этой твари. Я понимал, что они со Светланой Юрьевой, просто продали институт и положили большую часть денег себе в карман. А теперь он намекает, что моя дочь может заработать на панели.

И я бы, наверное, попытался набить морду этому подонку, но между нами был стол, по бокам которого стояли кресла, и немедленно добраться к этой твари я не мог. Ну и набить морду здоровенному ещё молодому мужику, проблема. Но я бы попытался.

– Впрочем, есть вариант. – Продолжал Вадим Николаевич. – мы даём вам лаборанта, и вы, в другом помещении, дорабатываете до пенсии. Потом, передаёте ему дела, как завлабу.

– И исследования? – я понял, что этот подонки просто торгуется.

– Ваши исследования, Александр Владимирович, никого не интересуют. И вас бы сразу уволили, если бы парню, который будет у вас лаборантом, не нужно было поработать по специальности до окончания института. Согласны?

К этому времени я немного успокоился, хотя во мне всё ещё бурлило. Руки тряслись. Нет, эту сволочь я не удостою инфарктом.

– Ладно. – сказал я встал и вышел из кабинета.

Собственно эта «невежливость» единственное, что я мог себе позволить. Положение было не в мою пользу.

Лаборатория

Я ходил по своей новой лаборатории, от стола к столу, проверяя препараты, и тщательно записывал результаты наблюдений в толстую тетрадь.

Это было бесполезно. Никому кроме меня это не было интересно. Да и я, делал это скорее по привычке.

Я доживал в институте последний год, а всех других сотрудников лаборатории, уже уволили.

И шансов, что и меня не отправят на пенсию, не было.

Да и институт доживал последние годы. Половина лабораторий уже была продана каким-то фирмам, и лабораторию, в которой я, кандидат биологических наук, Александр Владимирович Березин служил зам.завлаба перенесли в другое крыло.

Зам.завлаба, это был чин, чисто формальный. Завлаба в лаборатории никогда не было. Завлабом я бы стал, защитив докторскую.

Но докторскую я не защитил, и начальство ко мне не благоволило. Начальство ни к кому не благоволило. После ректора Владимира Ароновича институт захирел. В руководство пришли дельцы, а не учёные.

Но я был оптимистом. Всегда радовался жизни, и всё в ней было мне вкусно. От этого вкусно появился животик, который вместе с отсутствием перспектив привёл к тому, что моя молодая жена ушла десять лет назад.

Зато наша, девятилетняя дочь, Катя, не захотела уходить с мамой к её, похожему на шута (как мне казалось) но обеспеченному и более молодому самцу и осталась со мной.

Сын, тогда, был уже взрослым и жил своей отдельной жизнью.

Я хоть любил жену, но погоревав с полгода, махнул на это рукой и стал привычным себе оптимистом.

Ну и быть пессимистом мешала растущая, умная и очень любящая меня дочь.

Одно время мы с Катей переживали что мама, через соц.службы попытается её отобрать. Попытки были. Мы даже выработали тайный код. Но обошлось.

Помещение, куда переехала моя лаборатория, было мало приспособленным к исследованиям. Раньше тут была операционная. От операционной осталась кушетка, поломанный аппарат искусственного дыхания и неизвестно работающее ли, или стоматологическое, или гинекологическое, или просто операционное кресло.

Не разбирался я в этом.

Выбросить этот хлам запретили, пока он не будет списан с баланса института. Всё распродавалось. А кушетка, вполне функционировала. На ней, можно было прекрасно вздремнуть. Это я называл «релаксация».

Зато в лаборатории оставили лаборанта – тупого мажора Игорька.

Игорёк мало что понимал в бактериологии, а лаборатория называлась лабораторией резистенции диплококков, но Игорёк был сыном каких-то знакомых какого-то человека близкого к ректорше.

Он вот-вот должен был закончить институт. И когда я достигну пенсионного возраста, Игорька сделают завлабом. Он уже в этом качестве, так считали его родители, сможет пойти в бизнес.

Игорёк, этот подловатый мажор, этих своих и родительских планов не скрывал, и относился ко мне, как к отжившему своё экспонату.

Игорёк был, бездарным, циничным быдлом, но я держал это своё мнение при себе и был предельно вежлив со своим единственным «сотрудником».

События, этого рассказа, начались 11 апреля 2019 года, когда до закрытия лаборатории, оставались 8 месяцев и один день.

УМНЫЙ СЫН

В десять утра, 11 апреля, когда я улёгся релаксировать, пришёл мой сын Вадим.

– Па! Я улетаю на недельку в Артек, там нужно проверить оборудование перед сезоном, мне нужно оставить Боса.

Бос был чёрным ласковым лабрадором, а Вадим был техником по медицинскому оборудованию.

– Ты приведёшь его сюда или домой? Я не знаю, дома ли сейчас Катя.

– Аня сейчас приведёт его сюда. Мы договорились встретиться здесь. Она летит со мной.

– Ну ладно. Поговорим?

– Лучше поспи. А я посмотрю, что у тебя здесь можно отремонтировать.

Взгляд Вадима был направлен на аппарат искусственного дыхания, и я порадовался за сына. Он любил свою работу, и заставить очередной механизм работать правильно, было для него удовольствием. Попроси его это сделать, не дождёшься. Он сам выбирал себе задания. Но хорошо было то, что он не считал, что я за это ему должен быть благодарен.

– Ну, давай.

Уснуть не получалось и я пошел к стене, где располагался стол и стеллаж с моими пробирками.

Несмотря ни на что, я продолжал исследования.

А идея исследований была проста. Поскольку резистентные бактерии обладают несколько иной генетикой, чем не резистентные, то они должны по-разному реагировать на различные вещества. В основном R-Плазмиды имеющие внехромосомные факторы наследственности.

Хотелось создать наркотик для различных резистентных бактерий, чтобы с его помощью, можно было выводить их из организма. Тогда обычные антибиотики снова обретут свою силу.

Идея была проста, но её воплощение в жизнь, простым назвать никому и в голову бы не пришло.

Всё чего я добился тысячами проб, было веществом, выманивающим из организма всех бактерий. Я долго работал, создавая это вещество, но оно устраивало организму полный дисбактериоз, и радости организму это не приносило. Мыши чаще просто умирали.

С помощью Вадима, был создан прибор, статистически определявший количество бактерий в организме мыши. Он позволял удалять около 50% всех бактерий организма. В новых условиях, не резистентные бактерии получали преимущество и через некоторое время резистентных бактерий либо не оставалось, либо они были в таком незначительном количестве, которое не могло помешать работе антибиотиков.

Однако, процедуру 50% очистки организма нужно было проводить в здоровом состоянии, поскольку сама процедура значительно ухудшала самочувствие, повышала температуру животного, почти до предельных значений, и сутки мышь нельзя было кормить.

Поиски продолжались.

Пришла Аня, девушка Вадима, и привела Боса.

Бос, сразу подскочил ко мне и, поставив лапы на колени, лизнул мне нос.

– Готово! – Сказал Вадим. – Работает. Можешь начать приём пациентов.

Вадим с Аней ушли.

Было почти одиннадцать.

Игорёк сегодня не должен был являться. Чаще он приходил во вторник к двенадцати.

Конечно, он приходил не для того, чтобы работать. Цель его посещения была другой. Нарисоваться так, чтобы его видели. Иногда Игорёк даже здоровался. Но чаще просто заглядывал, а потом шёл по другим лабораториям, где были девочки.

Там он рассказывал, что ему надоело помогать старому пердуну и он вышел передохнуть. Потом мне об этом рассказывали и утешали, тем, что всё-таки дают доработать до пенсии.

Прерванный сон

После того, как ушёл Вадим, мне действительно захотелось вздремнуть. Возраст брал своё. Сердце, давление. Радовала только голова. Голова работала и рождала новые идеи. Хотя, кто его знает? Может это только кажется? Кардиограмму можно снять. Давление, температуру, холестерин, сахар, можно измерить. А как с головой?

Когда-то в детстве, в приключениях Аладдина бай задал ему загадку, сколько весит его, бая, голова. Аладдин ответил. Бай сказал, что Аладдин не отгадал. Тогда Аладдин предложил отрубить голову и проверить. А сколько весят мысли?

Умостившись на кушетке, я задумался о прошедшей жизни.

Много возможностей, наверное, было упущено. Но разве знаешь, где потеряешь, где найдёшь? Из одноклассников живы немногие. А из сокурсников? Я за ними не особо следил, но как минимум половина группы покинула этот мир. Самый успешный, рыжий Володька, Он попал в Киев, стал доктором, зав.кафедры и десять лет назад умер от лейкоза.

Я перебирал в памяти имена тех, чью судьбу я знал и незаметно уснул.

Проснулся я от посвистывания. Я приподнял голову, и мне показалось, что время почти остановилось.

У стола, где были препараты стоял Игорёк. Он засовывал палец в мой препарат, а потом вынул и облизал его.

Наблюдая эту картину, как в замедленной съёмке, я онемел. Ужас на несколько секунд лишил меня дара речи.

– Что ты делаешь, придурок? – заорал я.

– Что? Ты старпёр здесь спишь, во время работы, вместо препаратов держишь какую-то самогонку. А меня, благодаря которому, ты ещё здесь, называешь придурком?

– Это не самогонка!

– Заткни хавальник иначе и до пенсии тебя отсюда турнут.

С этими словами Игорёк, бросив на меня презрительный взгляд, вышел из лаборатории.

Я хотел выскочить следом и что-то ему объяснить. Это было невозможно. Самомнение само по себе не хорошо, но когда это самомнение у дурака, сделать ничего нельзя.

Но что произошло? Игорёк принял в себя некоторое количество препарата приманивающего бактерии.

Ну и что? Этот дурак сейчас соберёт в себе бактерии со всех мест, где будет находиться. Исхода может быть два.

Первый: Он заболит и умрёт. Установлено будет только то, от какой патогенной бактерии он умер. Будет объявлена эпидемия. А возможна ли действительная эпидемия? Если все бактерии холеры, оказавшиеся поблизости от него, соберутся вместе, они преодолеют его иммунную систему, и он станет вирусноносителем. Опасность?

Но возможен и другой вариант. Количество бактерий вызовет сильнейший ответ его иммунной системы, и тогда умрёт только он.

Раньше я проводил свои опыты над мышами в стерильных боксах, и задача была вытащить бактерии из мышей, а не впихнуть бактерии в них.

Как будет вести себя человеческий организм, который неожиданно атакуют сотни тысяч патогенных бактерий? Понятия не имею.

Желал того или нет, но мой «лаборант» поставил над собой интереснейший эксперимент.

Ну что ж, осталось дождаться его результатов.

Тщательно закрыв и убрав со стола свой препарат, я налил в такую же колбу воды и разбавил её небольшим количеством спирта и добавил чая из не помытой вчера чашки. Внешне эта колба ничем теперь не отличалась от колбы с препаратом.

Осталось подождать.

Игорёк

Всё-таки это был стресс, и я решил уйти домой раньше. Сидеть в лаборатории, после того что произошло сил никаких не было. Нервы были уже не те.

Взяв Босса, я вышел на улицу и пошёл домой через небольшой сквер.

С утра я этого не заметил, но сейчас вдруг кожей почувствовал. Ощутил весну.

Это чувство пришло неожиданно. Март был холодным. Да и апрель всё никак не вступал в свои права и вдруг... Вдруг запах земли, как-то изменившиеся солнечные лучи, тёплый ветерок, всё вокруг разбудило юношеские воспоминания. Пахло тёплой мокрой землёй, готовыми распусться почками вербы, тонкими и мутными ручейками бегущими, где по земле, а где по асфальту.

Природа ликовала. Зима окончательно ушла.

Я шёл по аллее, и вдруг передо мной оказался порванный резиновый мяч. Как мальчишка я сначала пинал его перед собой, а потом, перед самым выходом из сквера, развернулся и лихим ударом запустил мяч назад. Он улетел далеко, а потом кувыркаясь катился по асфальту.

Эх, если бы можно было так, запустить назад прожитые годы? Можно было бы что-то сделать, чтобы жена не ушла. Или женится на другой. Нет. Тогда у меня были бы другие дети, а я этих люблю.

Я шёл и мечтал. Мечтал ипил этот замечательный дух весны. Я забыл и об Игорёке, о лаборатории, о своём возрасте. Мысли гуляли так далеко, что я даже не мог бы вспомнить, о чём он думал. Просто шёл и дышал весной. Очнулся только перед дверью собственной квартиры.

Открыл дверь.

– Катя! Ты дома?

.....

– Катя! Ты дома?

Повторил я громко, снимая куртку.

– Как хорошо, что ты сегодня раньше.

– За компьютером?

– Я посуду помыла.

– А бельё?

– Ой. Сейчас стиралку включу.

– А почему хорошо, что я раньше?

– Я тут одно видео нашла. Совсем не понимаю. Очень красивое. Колония различных медуз живёт как одна особь.

– Есть такая. Сифонофор называется. А что тут странного? Улей или муравейник, тоже живут, как один организм.

– Да, но эта штука как будто одно тело. Там, в улье, есть обслуживающий персонал и матка. А этот сифонофор состоит из вполне самостоятельных медуз. Взрослых и детей, но действует как одно тело. Пошли, покажу.

– Да видел я. Просто сифонофор древнее существо. Есть такое, ещё более древнее существо, вольвокс. А есть и порпиты. Это тоже гидроидные. Как медузы. Там разные клетки образуют колонию как тело. Мы и наши предки, пошли по пути развития многоклеточности индивидуальных организмов, а некоторые другие виды, приспособившись к среде, развивали колониальность. Это как мы в России – коммуна, община. А на западе индивидуалисты. Я думаю, что мы ещё многого не знаем о природе.

Мы разговаривали ещё минут десять. Дочь интересовалась всем. Она только закончила школу и собиралась стать программистом, но как и я, она не могла пройти мимо других инте-

ресных вещей. Не научилась. А я всегда, даже когда дочь была ещё совсем маленькой, отвечал на её вопросы подробно. И если чего-то не знал, лез в литературу и находил ответы.

– Ты голодна? – спросил я наконец.

– Да.

– А если бы я не пришёл?

– Но ты же пришёл?

– Пельмени?

– Ага. – ответила Катя и убежала к компьютеру.

На кухне был бардак. Катерина помыла только ту посуду, которая стояла в мойке. Кастрюли, большие миски, стояли на плите или столе были ни разу не мытые.

Делать нечего. Я закатил рукава и приступил к работе с посудой.

Через четверть часа пельмени были готовы, и я разложил их по мискам, надавив в них по паре больших зубков чеснока.

Ели мы, каждый перед своим компьютером.

После того как пельмени были съедены, Игорёк со своим идиотизмом, уже не казались мне такой серьёзной проблемой, которая стоила моих нервов. Не то, чтобы я не верил в свой препарат, но и переоценивать его тоже не нужно. Игорёк же не мышь. Да он напичкан разными антибиотиками, которые мы получаем из самых разных продуктов. Например, из курицы. Вот поел я сейчас пельмени, и мой наркотик возможно уже и не такой действенный.

Я взял свой таблет, и завалился читать слизанную в интернете фантастику «Сифоноры». Книга была объёмной. Конечно, сифонофоры там были совсем не те, что в фильме, который обнаружила моя дочь. Там сифонофоры выращивали как летательные аппараты. Ну и ладно.

Придя на следующий день на работу, я продолжил чтение и читал весь день. А кто мне запретит? Никого моя работа не волнует.

Игорёк не проявлялся. У меня был его домашний телефон, и я мог узнать телефон его родителей. Но зачем? Пусть идёт, как идёт.

Вечером я накачал себе новой фантастики и твёрдо решил, что эта неделя будет неделей увольнительной при части. На работу ходить буду, а работать....

Что-то у меня новых идей стало мало. Обычно, после того как я отвлекался, смотрел новые фильмы, читал фантастику, даже просматривал фрагменты политических шоу. Мозги выходили из заикливания и новые идеи не заставляли себя долго ждать. В конце концов, моя работа это не огород копать? Хемингуэй застрелился, потому что исписался. Так он думал. А половил бы месяц другой рыбу, съездил бы в тайгу. Зачем стреляться? Или медведь задерёт или новый роман появится. Умереть всегда успеешь.

Так, 13 апреля, я уже совершенно успокоенный, уходил в Институт.

– Па! Когда будешь возвращаться, купи сахар. Кончается.

– Хорошо. – прокричал я, закрывая дверь квартиры. Катя была за компьютером.

Весна всё-таки отступила. Ночью шёл снег и приморозило. Я шёл, опасаясь поскользнуться.

«Не хватало ещё чего-нибудь сломать» – подумал я с опаской о своих конечностях. Но дошёл до института я вполне благополучно.

В 15:20, когда дверь неожиданно открылась, я читал, сидя за лабораторным столом.

Передо мной стояли два мужика, напоминающие сильно повзрослевших десантников, которые держали между собой, как кусок мяса, Игорька. Игорёк был весь покрыт струпьями и нарывами. За спинами мужиков была дама, чуть старше бальзаковского возраста.

Мужики, без всяких вопросов положили Игорька на медицинское кресло, и один вежливо обратился ко мне:

– Ты жить хочешь?

– А есть альтернативные предложения.

– Есть. В Индии жён сжигают с мужьями. А мы, если мой сын умрёт, отправим его в крематорий вместе с его руководителем.

– А за что мне такие привилегии?

– Ну он же у тебя, какую-то гадость попробовал?

Я поглядел на Игорька. Рот его был приоткрыт, но он был в сознании.

Я подошёл к столу, взял колбу с растворённым спиртом и чаем и спросил Игорька:

– Эту что ли?

Игорёк ещё приоткрыл рот и оттуда донеслось:

– Ы-ы-а-а.

Тем не менее, в этом «Ы-ы-а-а» можно было вполне различить «Да».

Я вынул пробку, которой была закрыта колба, и отхлебнул.

– Хотите попробовать? – Я протянул колбу мужику.

Мужик взял колбу и понюхал.

– А почему вы его идиотом назвали?

– А вы себе представьте, сидите вы в ресторане поставив на стол бокал виски. Вдруг к вашему столу подходит некто бомж, засовывает в ваш бокал палец и облизывает его. Что вы ему скажете?

Мужик ещё раз понюхал колбу.

– А что это?

– Разведенный спирт с чаем.

– Так почему же с Игорем это произошло?

– Наверно он не только в мою колбу пальцы засовывал.

– Э-э-е. – простонал Игорёк.

– В любом случае, Вы бактериолог. Лечите. Иначе приговор остаётся в силе.

– А Вы к врачам обращаться не пробовали?

– Пробовал. Деньги взять согласны. Но дать гарантию, что через неделю он будет жив, отказались. Они меня знают. Они не захотели почётно погребения вместе с моим сыном. Так что, хотите Вы или нет..., справедливо это или нет, но эта почётная участь будет предоставлена Вам. Вы бактериолог.

За спиной этого бывшего десантника, маячила дама. В глазах у дамы были слёзы.

Я понял, что этот, бывший десантник, не шутит. Ну что ж, помирать так с музыкой.

– Вы говорили, что врачам деньги предлагали?

– Не вопрос. Пять тысяч долларов. Вас устроит?

– То есть, цена жизни Вашего сына пять тысяч долларов? И за это я должен возиться с его бактериозом и рисковать жизнью? Ведь я и сам заразиться могу. И вам советую руки помыть, тщательно. Вон раковина.

Десантник зыркнул на меня и пошёл вместе со своим товарищем мыть руки.

Когда они руки вымыли он спросил:

– Сколько?

– Сто тысяч сейчас и столько же если процедуры увенчаются успехом.

В лаборатории повисло молчание. За спиной десантника всхлинула дама.

– Ладно. Но учтите, я ну шучу.

– Да понял я.– я продиктовал ему номер своей карты. – мне бы ещё и страховку на себя оформить, ну да ладно. – Десантник поколдовал со своим айфоном, и я получил сообщение на свой смартфон на гигантскую сумму рублей.

– Мы пойдём? – спросил он.

– Погодите. Мне нужен полный анамнез.

Я достал журнал и стал задавать вопросы.

Место, время рождения? Чем болел? Место рождения родителей? Какие болезни были у родственников? Где сейчас занимается Игорь? Какие у него привычки? Кулинарные пристрастия? Был ли последнее время с кем-то секс? С кем и какие ласки присутствовали?

– А это зачем? – Спросил десантник, поскольку на мои вопросы отвечала дама.

– Мне нужно знать всё, о нём и о вас. И желательно о тех, с кем в последнее время он общался. Были ли вы или они за границей или в других регионах. Не все бактерии проявляют себя сразу.

– Ладно. – Сказал десантник и дама продолжила отвечать на вопросы.

К тому, что я собирался делать с Игорьком, это отношения не имело. Но я изображал из себя врача, надеясь найти в Информации возможность выжить, если с бактериями Игорька я не справлюсь. Через два часа, они должны были принести сыну чистую одежду, две бутылки спирта и несколько упаковок ваты.

Потом они ушли. Дама хотела остаться, но в этом вопросе я был непреклонен.

После их ухода, заставил Игорька выпить снотворное, раздел его наголо, перевёл полученные миллионы на карту Кати и послал ей СМС, что это не ошибка, но что дома я сегодня не ночую.

Когда Игорёк уснул я, одел перчатки, маску, и окружив все слизистые и лимфоузлы салфетками, смочил салфетки препаратом.

Когда пришёл десантник, увидев меня в маске, очках, перчатках, и своего голого сына, он так и остался в дверях.

– Куда это положить? – Спросил он.

– Туда. – я указал ему на стул, стоящий недалеко от двери, и добавил: – Вам лучше сходить в сауну и прокипятить эту одежду или сжечь.

Десантник кивнул и вышел.

Моя идея была простой. Сначала я вычищаю организм Игорька от всех бактерий, а потом делюсь с ним половиной своих. Конечно, я почувствую себя хуже, но двести тысяч долларов, того стоили. Этого на оздоровление должно хватить.

Я воткнул Игорьку в рот и анус, по электроду и включил анализатор. Когда его организм будет очищен стрелка анализатора коснётся деления «0».

В полдвенадцатого стрелка коснулась нуля.

Убрал в кулёк салфетки, которые были на теле Игорька, я немного развёл спирт и тщательно протёр им его тело. В глаза и уши закапал синтомицином.

Игорёк дышал, но было видно, что с ним не всё в порядке. Температура медленно поднималась.

Я поставил нити из прибора Вадима Игорьку в рот уши и анус, и прокапав все эти точки препаратом.

Выставил прибор на 50%

И сам разделся и лёг на кушетку, которую подтащил к креслу. Вставил электроды от прибора с нитями в свой рот, нос, анус и уши, расслабился.

По моим расчетам процесс должен был продолжаться часа два- два с половиной.

Кто я?

Я очнулся от солнечного луча, попавшего, через окно и отражение в зеркале прямо мне в глаз.

Я ничего не понял. Я не помнил, как задремал. Но я лежал в медицинском кресле, а на кушетке тоже кто-то лежал. Лежал толстый старик, а не Игорёк.

Я выплюнул нить изо рта, вынул остальные и встал. Кресло было неудобным, но встал я легко.

Встав, я оказался перед зеркалом.

В зеркальном отражении, передо мной стоял голый человек чем-то напоминавший Игорька.

Я подошёл к кушетке. Передо мной лежал я. Лежал голый и мёртвый я.

Моя голова закружилась, и я едва не упал.

Я посмотрел на прибор. Вместо 50% прибор показывал «0».

Я ещё не осознавал, что произошло, но заметил, что компьютер выключен.

Такое бывало, когда вырубался свет. Но свет был.

Наверное, это секундное отключение, потому что прибор не перестал работать, а просто обнулil программу.

Я уселся на стул, где лежали чистые вещи Игорька, и задумался.

Меня мутило. Но я был учёным, а не обывателем и мне уже было ясно, что моё сознание перешло в тело Игорька, а моё тело умерло. Оно было уже холодным.

Меня подташнивало, и кружилась голова. Но я заставил себя встать. Сначала я надел одежду на своё мёртвое тело, потом сам оделся в новую одежду Игорька.

То, что я сразу не узнал Игорька в своём отражении, стало понятно. У меня в теле Игорька было другое выражение лица.

Я ещё раз внимательно, стараясь всё запомнить, прочёл анамнез. Потом ещё раз.

Я надел маску и перчатки. Проверил старую одежду Игорька и вытащил из карманов всё что было.

Там был кошелёк с тысячей долларов, связка ключей и права в пластиковой плёнке. Я всё обработал спиртом и отправил под бактерицидную лампу.

Сложил прежнюю одежду Игорька в пластиковый кулёк и плотно завязал.

Я позвонил по мобильному телефону десантника, и когда он взял трубку сказал:

– Приезжай, пожалуйста. Тут ЧП.

– Понял.

Сказав это, я уселся на стул. Тошнота постепенно уходила.

Через десять минут десантник вошёл в лабораторию.

Он посмотрел на меня. Потом на моё бывшее тело.

– Что случилось?

– Я до конца не знаю. Когда я очнулся, он уже умирал и попросил вторую часть денег перевести его дочери. Я обещал. Что он со мной сделал, я не знаю. Но мне не так как вчера, хотя кружится голова и мутит.

Десантник глянул на часы.

– Скажи, что ты пришёл на работу, а он уже мертвый.

– Хорошо.

Десантник вызвал скорую и когда та приехала, я сказал то, что сказал десантник.

Врач посмотрел в глаза моего бывшего тела, глянул на язык, измерил его температуру и что-то записал в блокнот.

– От чего он умер? – спросил десантник.

– Трудно сказать. Скорее всего, просто от старости. Израсходовал свой лимит. Когда мы вышли на улицу, мне стало легче.

– Ты действительно хочешь, чтобы я перевёл его дочери сто тысяч баксов?

– Да. Это старик умер из-за меня. А меня спас.

– Три дня назад, ты бы этого не сказал.

– За эти три дня кое-что произошло. Правда? Потом подумав, сказал.

– У меня какие-то проблемы с памятью. Я еле вспомнил твой номер телефона. Начал набирать и пальцы вспомнили.

– Нужно к врачу?

– Нет. Просто хочу спать. Хочу есть. Не хочу сегодня ни о чём больше думать. Но хочу присутствовать на его похоронах.

– Поедешь на своей машине? Её привезут.

– Лучше с тобой. Мне пока нехорошо. Очень нехорошо. Автомобилем десантника оказался Nissan GT-R, тёмно-серый металлик. Мы сели в него и поехали куда-то за город.

Игорёк с десантником жили в двухэтажном доме

Когда мы вошли, я увидел двух женщин в передниках, но совсем с другим выражением лица, чем та дама, которая была вчера с десантником. Я догадался, что эти женщины прислуга.

– Пусть мне поменяют постель, а старую сожгут.

– Это правильно.

Десантник распорядился и одна из женщин пошла на второй этаж.

На второй этаж вела широкая лестница посередине дома. Я пошёл за женщиной и так узнал, где спальня Игорька, а теперь, пока моё сознание в его теле, и моя.

Я смотрел, как она перестилает бельё, и собирает старое в мешок.

– Игорь Владимирович! – Это снизу пришла вторая прислуга. – Завтрак готов. Вы будете завтракать в столовой, или у себя.

– В столовой. – сказал я и пошёл за ней.

Когда я пришёл в столовую, она хотела подать на стол.

– Погоди. – Сказал я. Сначала приму ванну. Пошли, дашь мне чистое полотенце.

Ванна была на том же этаже что и моя спальня. На самом краю этажа. Ванна была очень своеобразной. По моим меркам это был небольшой бассейн. Примерно три на полтора. Она была утоплена в пол, над которым её края возвышались сантиметров на тридцать. Окно в комнате, где была ванна, занимало всю стену. Окно выходило в сад.

Прислуга принесла мне махровый белый халат, и огромное белой полотенце. Когда я по ступеням спустился в ванну, и стал разбираться с включением воды, я понял, что это джакузи.

Когда струи воды били в моё, теперь молодое тело, я подумал, что не так уж плохо побыть Игорьком. Вот только когда вернётся его сознание? А если не вернётся? Что это? Переселение душ с бактериальным фоном?

Ладно. Об этом я подумаю потом. Я вылез из джакузи, ополоснулся под душем. Когда я вытерся и надел халат, бассейн был пуст.

Я пошёл в столовую.

На завтрак были креветки в каком-то соусе похожем на майонез, запечённая четвертинками картошка и салат мелкой, нарезанной кружочками редиски со сметаной.

«А жизнь налаживается» – сказал я себе.

Когда я окончил завтрак, в столовую вошла мать Игорька.

– Сынок! Как ты?

– Ещё не в себе, – сказал я честно – но уже не умираю. Пусть кто-нибудь покатает меня на моём авто. А потом, я отсыпаюсь.

– Хорошо. – сказала дама и внимательно посмотрела мне в глаза. – Что-то болит?

– Я ещё не привык к тому, что живой. Еле вспомнил телефон. Домашний телефон вспомнил, но с трудом. – я продиктовал номер. – провалы в памяти, плюс постоянный мандраж. Всё время боюсь умереть.

– Вызвать психоаналитика? – спросила женщина, по-прежнему глядя в глаза. Её что-то в моих глазах беспокоило.

– Не нужно. Хочу расслабиться и выспаться. Утро вечера мудренее.

Зашёл десантник.

– Алёне позвонить?

Об Алёне в анамнезе ничего не было. Девушка? Сестра? Семейный врач?

– Не надо. Сон и водные процедуры.

– На тренажёры тебе нужно. Пошли, побегаем наперегонки. А то совсем захиреешь.

– Пошли, сказал я безучастно.

Но как идти бегать, когда я в банном халате? Бегать это где? Бегать это в чём?

– Иди, оденься, а я подожду в парке.

Уже хорошо. Наверно одежда в спальне. Но как выйти в парк?

– Ладно. – сказал я и пошёл наверх.

Наверху мне повезло. Там была женщина из прислуги.

– Спортивный костюм. – Сказал ей я и зашёл к себе в комнату. В комнате был шкаф, но там висела пара джинс, футболка, темно-синий костюм, белая рубашка и набор галстуков. Шкаф был маленький и туда вряд ли, что-то ещё поместилось бы.

Я выглянул в коридор. Прислуга выходила из комнаты, которая была рядом с джакузи. В руках у неё было обычное трико.

Я переоделся и вышел. Прислуги уже не было. Я заглянул в комнату, откуда она вышла. Та стояло три стальных шкафа. В них была одежда явно не женская и не на десантника.

Я прикинул. Во всех трёх шкафах был мой размер.

Уже легче. Я уже много выяснил. Не лажануться бы.

Я предположил, что выход в сад находится рядом с лестницей, посередине дома, и не ошибся.

Десантник уже ждал меня. Рядом с домом, располагалась небольшая спортивная площадка, с турником. Десантник на нём подтягивался.

– Догоняй. – сказал он мне и небыстро побежал внутрь сада.

Я побежал следом.

Мы бежали и бежали, сменяя аллеи. Я стал совсем выдыхаться. Десантник это заметил, и мы повернули к дому.

– Ничего. Сказал он мне. – бывает и хуже. Сауна? Давай.

С левого края дома была лестница в подвал, и мы туда спустились.

Спустились мы в тренажёрный зал. Высота зала была метра четыре, а размеры, приблизительно шесть на восемь метров. Тут были пять силовых тренажёров, три беговых дорожки, турник, брусья, кольца и штанга. Но рядом с тем местом куда мы спустились, была ещё одна винтовая лестница, вверх и вниз. Но мы пошли вправо и прошли через дверь в метровый по ширине коридор. Справа был вход в сауну.

В сауне были деревянные лежаки. Десантник что-то включил, и всё вокруг быстро стало нагреваться. Мы разделись, бросив одежду в какой-то ящик.

Десантник приказал мне лечь на скамью, и стал избивать меня веником.

Было ощутимо больно, но я терпел.

Потом я избивал его веником.

Потом мы, расслабляясь, полежали на скамейках, пока десантник не сказал:

– Хватит нежиться. Пошли.

Прямо из сауны вела ещё одна дверь. За этой дверью оказался десятиметровый бассейн. Десантник прыгнул в него ласточкой, и я последовал за ним.

Вода в бассейне оказалась не просто не подогретой, а очень холодной. У меня даже на миг перехватило дыхание.

– Догоняй. – сказал десантник, и мы поплыли.

– Проплыв туда-сюда три раза, я почувствовал себя совсем уставшим, хотя было уже не холодно, и вылез.

Десантник проплыл ещё пару раз и тоже вылез.

– Ну как? – спросил он у меня. – Оживаешь?

– Чуть лучше.

– Ну, иди. Отдыхай.

Мы поднялись по винтовой лестнице, на первый этаж дома. Там была комнатка с полотенцами и халатами.

Вытершись, я надел халат и пошёл в свою комнату.

Когда я улёгся на кровать, то почувствовал себя совсем хорошо. Так хорошо я не чувствовал себя уже лет пятьдесят.

Когда я проснулся, было уже два часа дня. Я полез в интернет, с компьютера, который стоял в моей комнате. Оказалось, что Игорёк вёл блог.

Из блога я узнал, что его папа, Владимир Иванович Пржевальский, праправнук того Пржевальского, что я естественно взял под сомнение. Фамилия ни о чём не говорит. Отец отца, с Урала, а мать якутка. Дед по материнской линии, поляк, а бабка еврейка. Увидел я фото Алёны. Это были слегка эротические фото. Алёна их заслуживала. Не знаю, как фото говорят о живом человеке, но по фотографиям она была стерва стервой.

Я нашёл на неё ссылку в инстаграм. Там она вела страницу. Но в её блоге Игорёк занимал не самое центральное место, а фото были ещё эротичней. Видимо Игорька это не смущало. Ещё час я читал блог Игорька, а потом попросил прислугу подать мне обед в комнату.

На обед был борщ, с куском постной говядины, пюре с бараньим стейком, винегрет, гранатовый сок и несколько песочных печений.

Поесть я любил.

Поев, я продолжил знакомиться с блогом бывшего обладателя моего тела, и нашёл ссылку на «одноклассников», его мамы Варвары Казимировны.

Но ничего интересного я там не нашёл. Пустые разговоры ни о чём.

А вот папа Игорька был мной найден только в «Контакте». Но там, кроме регистрации ничего не было. Даже фото не было.

Часов в шесть, ко мне в комнату, без стука, зашёл десантник и переспросил, действительно ли я хочу отправить дочери Березина сто тысяч долларов. Я сказал, что хочу, но будет лучше, если их она получит от меня после похорон.

Десантник пообещал завтра закинуть мне деньги на карту, и сообщил, что похороны Березина послезавтра – 16 апреля.

До похорон, я не хотел видеть Катю. Мне хотелось, но просто её увидеть, смысла нет. А открыться нельзя. Как она будет вести себя на похоронах? Если десантник что-то заподозрит, то он решит, что я убил его сына ради тела и тогда... Понятно, что тогда.

Похороны

На кладбище, меня привёз водитель десантника, Женя. Это был Длинный, крючковатый, нескладный мужчина лет сорока.

Хорошо, что он не был разговорчив.

Мы приехали вслед за катафалком. Катя и Вадим с Аней шли впереди. Я шёл где-то в середине процессии.

Тут шло множество моих знакомых. Я даже не ожидал, что они все соберутся на мои похороны.

Были даже те, с кем я поссорился и те, к кому испытывал презрение.

Интересно, я первый человек, наблюдающий за своими похоронами со стороны?

У могилы обо мне говорили много хорошего и в общем, не ввали. Катя плакала. В общем, обычные похороны.

Когда мой труп опускали в могилу, что-то во мне ёкнуло, и я даже прослезился. Дыхание спёрло и отпустило только тогда, когда комья застучали о крышку гроба.

Всё равно было как-то не по себе. От ключиц до плеч и внизу живота, немело.

Потом все поехали ко мне домой. Там был обед и кутя.

Я не переваривал все эти обычаи, и мои дети об этом знали. Но я не мог сказать, что они делали неправильно. Им жить в этом обществе.

Когда обед почти закончился я подошёл к Кате. Она за стол и не садилась.

– Вам нужна финансовая помощь?

– Нет. Спасибо. Папа оставил мне денег.

– А я бы не мог поговорить с Вами наедине.

– О чём?

– Я думаю, мне есть, что Вам сказать.

– Ладно. Давайте пройдем на кухню. Там кроме грязной посуды никого.

Когда мы вошли на кухню и сели, я сказал.

– Катя! Могу ли я попросить вас не кричать, чтобы я вам сейчас не сказал?

– А что вы собираетесь мне сказать?

Наверное, говорить пока не время.

– Чтобы не сказал, сумеете не кричать?

– Попробую.

– Постарайтесь. «Клубничный дед мороз». – это был код, пароль о котором мы когда-то с Катей договорились. Человеку, который скажет этот пароль, нужно верить.

– Это вам папа сказал? Вы что-то хотите мне передать?

– Ну, во-первых, вы не сказали отзыв: «Смородиновая снегурочка».

– Да. Это было так давно, что я почти забыла.

– А зря. Во-вторых, я переведу вам ещё сто тысяч долларов. Плюс к тем, что перевёл вам папа.

– Вы знаете о деньгах? Почему он умер?

– Это потом. Пока я хочу, чтобы вы мне, безусловно, верили. Как папе.

– Папа вас не особенно любил.

– Это да. Но я сказал Вам пароль. Сейчас я переведу деньги. Неужели нет оснований для доверия?

– Наверно есть.

– Ну так вот. Вот мой номер телефона и когда все разойдутся, позвоните мне. Я приду, и тогда вы услышите послание от папы.

– Почему не сейчас?

– Можно и сейчас. Но тут ещё народ, который что-то не доел.

– А можно Вадиму присутствовать при разговоре?

– Катя! Вадим с Аней. Вам нечего меня опасаться. Повторить пароль? Потом, я поговорю и с Вадимом. Но сначала мне нужно поговорить с Вами.

Тут на кухню зашёл наш пёс. Бос положил морду мне на колено, а я привычно почесал его за ухом.

Из глаз Кати полились слёзы.

– Вы сделали это совсем как папа. И Бос. Он мирный, но голову на колено чужому не положит. Ладно, когда все разойдутся, я вам позвоню.

– Не плачь. – Сказал я. – Давай я погуляю пока с Босом.

Катя посмотрела на меня удивлённо. Внимательно посмотрела в мои глаза.

Я опустил глаза на Боса.

– У меня есть, что сказать тебе, девочка.

Хлопнув рукой по бедру, я встал и собрался выйти вместе с Босом.

– Поводок...

– Я знаю. – Сказал я и вышел.

Объяснение

Я гулял с Босом в парке. Было опять солнечно и пахло весной. Наверно зима таки ушла. Для Боса, я был тем же самым. Он не был агрессивен, но с чужими был всегда осторожен. А со мной, даже в теле Игорька, он вёл себя по-прежнему. Я спустил его с поводка. Он носился вокруг, таскал мне палки, в надежде, что я буду их бросать, а он мне приносить.

Мы гуляли почти час, когда Катя позвонила и сказала, что мы может вернуться.

– Вадим пригласил меня сегодня к себе. Ну, чтобы я не оставалась одна. Через час я выхожу.

– Ты продолжаешь меня побаиваться? – спросил я усевшись на диван и приняв Боса к себе на колени.

– Вовсе нет. Просто обозначаю время.

– Тогда сотри трагическое выражение с лица и постарайся не орать.

– Что? Почему Вы всё время об этом беспокоитесь? И разве мы перешли на ты?

– Лет девятнадцать назад. Катя! Я твой папа и я жив. Я жив в этом теле.

Катя не закричала, но глаза её округлились и, по-моему, дыхание остановилось.

– Можешь продолжать дышать. Думаю, что для того, чтобы тебе в этом убедиться понадобится больше времени, чем ты можешь не дышать. То, что я тебе говорю, страшный секрет и если об этом кто-то узнает от тебя, то ты, возможно, действительно меня убьёшь. А пока вспомни, что я сообщил тебе пароли, которые никто не знал. Я могу тебе рассказать, что происходило до смерти моего тела. Ну, то, что ты меня спросила о сифонофорах и то, что я тебе рассказал. И вообще можешь задавать мне любые вопросы из нашего прошлого. Я понимаю, что просто принять то, что я говорю очень не просто.

Катя смотрела на меня и, казалось, утратила дар речи.

– Доченька! Я жив. Я это не специально. Я тоже был несколько удивлён, очнувшись в этом теле. Но это факт, а я всегда тебе говорил, что факты нужно принимать.

– Вы говорите как мой папа...

– Я не говорю, как твой папа, я и есть твой папа. Посмотри на Боса. Он в этой ситуации разобрался без труда. Хорошо, что у моих новых «родителей» нет собаки.

Катерина молчала, но я не торопил. Я видел, что она собирается с мыслями.

Периодически она смотрела на меня, потом опускала глаза, потом опять смотрела. Смотрела как ведёт себя Бос и как я веду его с ним.

– Хорошо. – наконец сказала она. – Если вы мой папа, то скажите, где лежит дневник, который я веду.

– А я и не знал, что ты ведёшь дневник. Ты мне об этом никогда не говорила.

– А какой пароль у моей Яндекс почты?

– Если ты его не меняла, мы сделали ящик два года назад, то 2003KatyaB. Но, по-моему, ты им не пользуешься. У тебя ящик на джимейле.

Катя опять сверлила меня взглядом.

– А какие номера у вас и у меня были в гостинице, когда мы посещали Барселону.

– Ну, начнём с того, что гостиницу мы снимали не в Барселоне, а в пригороде. У нас на два номера никогда денег не было. В Париже мы вообще спали на одной кровати. А в Vila De Premia, у нас был номер на третьем этаже, с двумя кроватями по центру комнаты, стоящими рядом. Сначала был на втором, но там была одна кровать и мы оттуда ушли, потому что там что-то было не в порядке с душем. А номер номера я не помню.

– Предположим, я поверила, что Вы мой папа. Что тогда?

– Тогда, я предлагаю тебе путешествия и не в бюджетном варианте. Родители моего тела очень небедные люди.

– Вы собираетесь ко мне приставать?

– Ты что? Я твой папа. Папа!

– Ладно. Но меня путешествия не интересуют. Мне достаточно интернета. Извините, я почти поверила, что Вы мой папа, но мне нужно время к этому привыкнуть.

– Да, конечно. Я не возражаю. Но подумай, чего бы ты хотела в будущем. Если меня разоблачат, меня, скорее всего, убьют. А если не разоблачат, то у нас большие возможности, доченька.

– Хорошо. Сегодня я иду к Вадиму.

– Пока ничего ему не говори. Ни обо мне, ни о деньгах. Я потом сам поговорю с ним, тем более что в произошедшем есть некоторая часть его заслуги или вины. Моё тело, всё-таки похоронили. Оно было старое, но я к нему как-то привык. И я тебя провожу.

– Ладно.

– И давай я зайду домой завтра.

– Я не знаю, когда я буду дома.

– А то, что у меня есть ключ, тебя не смутит? – спросил я с улыбкой. – Чаю попью.

– А где у нас лежит сахар?

– Чёрт! Забыл купить. Извини.

– Папочка!!! Почти закричала Катерина и плача бросилась мне на шею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.